

Александр Валентинович Амфитеатров

Неурожай и суеверие

Александр Амфитеатров

Неурожай и суеверие

«Public Domain»

1904

Амфитеатров А. В.

Неурожай и суеверие / А. В. Амфитеатров — «Public Domain»,
1904

«Первые же страницы русской летописи повествуют нам о хлебных неурожаях и последующих за ними голодовках народных. Под 1024 г. летописец отмечает «мятежь великъ и голодь» по всей суздальской земле. В 1071 г. – «скудости» в области ростовской, по Волге, Шексне и Белу-озеру. В 1059 году от голода, холода и мора погиб целый степной народец – торки...»

Александр Амфитеатров Неурожай и суеверие

Первые же страницы русской летописи повествуют нам о хлебных неурожаях и последующих за ними голодовках народных.

Под 1024 г. летописец отмечает «мятежь великъ и голодъ» по всей суздальской земле. В 1071 г. – «скудости» в области ростовской, по Волге, Шексне и Белу-озеру. В 1059 году от голода, холода и мора погиб целый степной народец – торки. В конце княжения Всеволода Ярославича (ум. в 1093 г.) Приднепровье постигли засухи, от которых загорались леса и болота, а за ними – неизменные последствия: голод и мор, т. е., по всей вероятности, повальный тиф, настолько свирепый, что в одном Киеве, в срок «отъ Филиппова дня (14 ноября) до мясного заговенья» было продано семь тысяч гробов. В 1094 году, в августе месяце, прилетела на Русь первая саранча и с тех пор стала постоянною гостью нашего отечества. В 1127–1128 году голодал Новгород, – по обыкновению, с эпидемией тифа; люди ели липовый лист, берёзовую кору, мох, конину; улицы и площади были завалены мёртвыми телами, нельзя было выходить из домов от смрада непогребённых трупов; отцы и матери отдавали детей в рабство приезжим торговцам, чтобы не видеть их страданий от голодной смерти. В 1145 году новгородские бедствия повторились по причине страшных засух весною и ливней летом и осенью. Суздальский период русской истории почти сплошь – летопись голодовок. На каждые десять лет приходится, в северных пределах тогдашней Руси, т. е. в областях суздальских и новгородских, по одному голодному. Особенно страшны были годы 1212, 1214, 1215 и 1230. а между ними два последних. В эти неурожайные годы собаки не успевали поедать трупы, валявшиеся по улицам и городам; вымерли или разбежались, поголовно, все жители области Водь; новгородцы съели лошадей своих, собак, кошек; стало обыкновенным преступлением людоедство и пожирание покойников. Бедствие 1230 года было повсеместным в русской земле, исключая киевской области; продолжалось оно три года.

Я не пойду далее в этой печальной хронологии, доведённой, как мы видим, до самой татарщины, и, следовательно, обнимающей весь полуязыческий период Удельной Руси. Летопись свидетельствует, что голодовки и эпидемии довольно часто сопровождались противохристианскими волнениями в народе недавно окрещённом, нетвёрдом в новой вере, хорошо памятующем культ старых богов и привычном к повиновению жрецам их – «волхвам» летописи. В Суздале волхвы «избиваху старую чадь по дьяволу наученью и бесованью, глаголюще, яко си держать гобино» (урожай). Движение было настолько сильно, что великий князь Ярослав, несмотря на затруднительное своё политическое положение в 1024 году, счёл необходимым лично поехать в суздальскую землю для усмирения мятежа. В ростовскую смуту, когда Ян, собиратель княжеской дани схватил на Белом озере двух волхвов, занимавшихся тоже избиванием «старой чади», то, на вопрос; «чего ради погубиста толико человекъ?» – он получил ответ: «яко ти держать обилье да еще избіев? сихъ будетъ гобино». На допросе волхвы показали, что они веруют богу, живущему в бездне, рекомому антихристу, и рассказали космогонический анекдот о сотворении человека – совершенно однородный с таковыми же преданиями у нынешней мордвы, черемисов, вотяков и т. п. Ян отдал волхвов на кровомщение семьянам, женщин которых они избивали; те повесили обманщиков на дерево. Пришёл медведь – Перунов зверь – и съел их тела. Мятеж прекратился.

Добиться от белозерцев выдачи волхвов Яну стоило немало труда: столь велико было влияние слуг «бога бездны», даром что многих из народа они лишали матерей, сестёр и жён. Влияние это опиралось на общераспространённом суеверии не только языческих, но и христианских народов в утро их умственного развития, – будто все явления природы – дело рук человеческих, получивших власть над богами (в язычестве) или демонами (по христианским

понятиям), при посредстве таинственных чар и заклятий. Суеверие в язычестве было верою. Все языческие культы построены на доверии общества к лицам, имеющим привилегию непосредственного общения с богами – тайными силами, одухотворяющими природу. Христианство уничтожило стихийных богов, как власть, главенствующую в мире, но не вовсе истребило их из памяти своих неопитов. Низверженные стихийные боги продолжали существовать, хотя и под спудом, инкогнито; подобно гейневскому Витцли-Пуцли, они вылиняли, переменили оболочку и сделались чертями. Прежде они были и добрыми, и злыми, – теперь стали злыми по преимуществу; с ними можно было сноситься по-прежнему и следовало ладить, чтобы не было от них никакого вреда. Равным образом, по-прежнему следовало почитать и ублажать тех, кто был в тесной дружбе с отставными богами, являлся посредником между ними и человеком.

Богами язычества управляли волхвы. Новокрещённые дикари, не успев забыть языческий предрассудок, что священнослужитель, так сказать руководствует волею божества, суеверно перенесли миссию управления силами природы на новое христианское духовенство: совершенно по той же аналогии, по какой народ передал молнии Перуна – пророку Илье, а скот, отнятый у Волоса, – мученику Власию. В летописи неоднократно встречаются указания, что народ приписывал духовенству засуху, неурожай, град, ливень и т. п. Так, например, в 1228 году, новгородцы, напуганные необыкновенными жарами, заподозрили в производстве их своего епископа и прогнали его «аки злодея пыхающе». И, наоборот, легенда приписывает другому духовному лицу – иноку Киево-Печерской лавры, преподобному Прохору Лебеднику, могучую сверхъестественную помощь народу во время голода при великом князе Святополке Изяславовиче; он лебеду обращал в хлеб, а золу – в соль. Известен обычай, не окончательно вымерший даже в настоящее время, «катать попа» по жнивью, в надежде на будущий урожай. Наконец, народ до сих пор считает недоброю приметой, выходя из дома, встретить духовное лицо. Что предрассудок этот извечный, языческий, свидетельствует Нестор под 1064 годом: «Не погански ли живемъ, ежели еще веруемъ въ встречу, ибо кто встретитъ монаха, зайца или свинью, возвращается назадъ». Такое же поверье есть и о встрече со старою бабою – исконною ведуньею, по народным понятиям. В 1770 году мужики села Войтовки приняли своего священника о. Василия, за упыря, повелевающего мертвецами и, вместе с ними, опустошающего село: несчастного пробили навывлет осиновым колом и заживо зарыли в землю. Зловредное влияние, приписываемое суеверием дурным встречам, можно парализовать, бросив под ноги опасному встречнику булавку, иглу, гвоздь, нож – вообще, какое-нибудь острое металлическое орудие. Известный русский мифолог Афанасьев выяснил на сотнях примеров, что нож, игла, топор, молот, кол и т. п. в народных сказках и поверьях почти постоянно эмблема-тируют молнию, которою бог-громовник первобытных верований поражал своих врагов, грозных духов – прототипы чертей, ведьм, вурдалаков и т. п. Малороссы говорят: «если ведьма летит, стоит воткнуть нож в землю, – она сейчас же обессилеет и упадёт»; чехи: «если бросить нож в столб пыли, поднятый вихрем, он упадёт на землю, окровавленный, потому что непременно ранит скрытую в вихре нечистую силу или несомого ею ведуна». Не будет ошибкою заключить, что одинаковыми или аналогичными мотивами вызывается суеверное употребление острых орудий и при вышеуказанных встречах, – теперь бессознательное, а когда-то имевшее для народа свой таинственный смысл. А согласившись с этим мы вместе с тем согласимся, что наш предок-славянин был весьма мало склонен, в первые триста лет своего христианства, отличать новых духовных пастырей от представителей древнего языческого волхвования. На Западе было то же самое. Католическое духовенство, фанатически преследуя колдовство, само постоянно попадало под подозрение в этом грехе. Между 1504 и 1523 годами в Ломбардии запустело несколько монастырей, потому что монахини были сожжены за колдовство; то же случилось в Cambrai – cite.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.